

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЯЗЫКОМ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО СЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА ЕВАНГЕЛИЯ

Борис ИВАНОВИЧ СКУПСКИЙ, Махачкала

1. При реконструкции и объяснении явлений синтаксиса ПСП-ов¹ исходим из положения, согласно которому непременным условием успешного исследования синтаксиса старослав. языка является использование самого широкого круга слав. и греч. источников. По отношению специально к ПСП-у Евангелия должно учитываться еще и то, что перевод его текста осуществлялся поэтапно: сначала были переведены ев. чтения, затем были созданы ПСТ тетра и ПСТ полного апракоса. Это означает, что в источниках реконструкции синтаксиса ПСП-а Евангелия должно быть обеспечено представительство всех структурных типов этого текста.²

Результаты наблюдений над языком (синтаксисом) ПСП-ов, о которых будет доложено ниже, основаны на показаниях почти всех известных греч. и слав. рукописей различных редакций (изводов) и структурных типов этого текста в возрасте XIII в. включительно (слав. источники частично включают и памятники XIV в.).³ Опора на свидетельства такого широкого круга

¹ Принятие сокращения: ВЗ – винительный зависимый; ДЗ – дательный зависимый; ДС – дательный самостоятельный; ЗПО – зависимый причастный оборот; ПСП – первоначальный славянский перевод; ПСТ – первоначальный славянский текст; РЗ – родительный зависимый; РС – родительный самостоятельный.

² Специально и подробнее об источниках и литературу вопроса см. в: Б. И. Скупский, *Вопросы источников реконструкции синтаксиса первоначального славянского перевода Евангелия ... Методические заметки. Часть I*, «Wiener slavistisches Jahrbuch», Bd. 25, 1979, 107-124; часть II, там же, В. 29, 1984, 83-103. Также: Он же, *К вопросу о греческих оригиналах древнейших славянских переводов*, «Вопросы языкознания», 1977, № 2, 126-130.

³ Списки привлекаемых нами источников см. в: Б. И. Скупский, *Об одном спорном случае дательного самостоятельного*, «Дагестанский гос. университет им. В. И. Ленина. Сборник научных сообщений (филология)», Махачкала, 1971, 184-187; Он же, *Причастие в именительном на месте предиката дательного самостоятельного в славянских евангельских текстах*, сб. «Studia palaeoslovenica», Praha, 1971, 314-316; Он же, *Об одном греческом соответствии славянского дательного самостоятельного*, «ИДВШ. Филологические науки», 1973, № 4, 56, 57; Он же, *Славянский перевод Л XXIII.45*, «Slovo» 23, Zagreb, 1973, 119-121.

источников дают основание надеяться, что наши результаты — в пределах тех вопросов, которые были предметом наших наблюдений, — близки к исчерпывающим, по крайней мере, в той степени, которая возможна с учетом сохранившихся до наших дней слав. и греч. источников.

2. Нас интересовал вопрос об отношении ПСП-а Евангелия к греч. оригиналу в местах, где в ПСП был или мог быть употреблен ДС. Из числа имеющихся в нашем распоряжении материалов отобраны те, которые имеют значение для представления о переводческой технике и переводческом искусстве Кирилла и Мефодия в процессе их работы над ПСП-ом Евангелия. Наш материал разделен на 5 групп в зависимости от характера отношений между конструкциями ПСП-а и греч. оригинала в различных местах ев. текста; разбору каждой такой группы посвящены пункты настоящего параграфа, обозначенные буквами *a*, *b*, *v*, *z*, *d*.

а) В греч. новозаветных текстах известны конструкции, представляющие собою причастие или причастный оборот в дат. при глаголе, управляющем дат. падежом, напр.: *καὶ παραγῶντι ἐκεῖθεν τῷ Ἰησοῦ ἐκολούθησαν αὐτῷ δύο τυφλοὶ* — Мф IX.27. И. М. Белорусов был первым ученым, который обратил внимание на то, что славянский ДС может употребляться на месте указанного греч. оборота; он называет его причастием без члена в простом дат. падеже.⁴ А. Милев посвятил этой конструкции специальный труд: А. Милев, *Дателен самостоятелен в гръцкия текст на евангелията и неговото предаване в староболгарските текстове*, »Българска академия на науките. Известия на Института за български език«, XI, София, 1964, с. 67-82; по его данным, этот оборот в греч. тексте Евангелия содержится в 9 местах. По уточненным нами данным, таких мест 15.⁵

Указанные обороты относятся только к глаголам-сказуемым, управляющими дат. падежом; поэтому предпочитаем их называть ЗПО-ми в дат.

В следующих 3-х местах текста (из общего количества 15) во всех наших греч. кодексах находится только этот оборот: Мф IX.27, Мрк XIV.14, Л VIII.27. Отсюда следует, что в греч. оригинале в этих местах могла быть только эта конструкция. Почти во всех наших слав. кодексах в этих местах находится только ДС, напр.: *і прѣходаштѣго исѣни. по нѣемь идете ѿ слѣпца* — Мф IX.27. Зогр. Отклонения — единичны (по 1-му) и носят

⁴См.: И. Белорусов, *Дательный самостоятельный в памятниках церковнославянской письменности*, »Русский филологический вестник«, 41, 1-2, 1899, 73.

⁵Некоторые сведения о них см. в: Б. И. Скупский, *Об одном спорном случае ...*, 174-181.

такой характер, что не дают никакого повода сомневаться, что в ПСП-е здесь был ДС. Итак, не может быть никакого сомнения в том, что славянский ДС в этих трех местах был употреблен для передачи тех греч. конструкций, которые мы называем ЗПО-ми в дат. Синтаксические отношения между этими оборотами и глаголами-сказуемыми, к которым они относятся, в греч. и слав. текстах, строго говоря, не всегда полностью тождественны, ср. в наших примерах: в греч. — зависимые от глагола-сказуемого дат., в слав. же переводе причастный оборот в дат. находится при глаголе-сказуемом, который дат. падежом не управляет, а потому этот славянский оборот в дат. является здесь ДС-ым. Тем не менее такой перевод полностью согласуется с общей закономерностью, по которой славянский ДЗ приглагольный обычно соответствует греческому ДЗ приглагольному. А отсюда следует, что указанные греческие ЗПО-ы в дат. можно было перевести только причастными оборотами в дательном падеже; употребление здесь формы какого-либо иного падежа, напр. родительного, было невозможно, так как это противоречило бы общей указанной выше закономерности. Добавим к этому, что отмеченное выше различие в синтаксических позициях греческого ЗПО в дат. и славянского ДС-го не следует считать особенно резким, так как греческий ЗПО был не в полном смысле ДЗ-ым, а все же оборотом обособленным, т. е. частично независимым от глагола-сказуемого; к тому же в слав. переводе в подобных случаях могли оказываться и ДС-ые при глаголах-сказуемых управляющих дат. падежом, напр.: *послѣдъ же възлежаштемъ имъ единому на десате ѿвиса* — Мрк XVI.47 Мар, где позиция оборота, определяемого как ДС, тождественна позиции греческого ЗПО в дат.

б) В остальных 12 местах из числа названных выше 15 (Мф VIII.1, 5, 23, 28, IX.28, XIV.6, 32, XXI.23, Мрк V.2, Л IX.37, XI.53, XVII.12) в греч. кодексах нет единства: здесь конкурируют ЗПО-ы в дат. и РС-ые. В слав. кодексах в этих местах, как правило, находится ДС, другие же явления обнаружены в единичных случаях; в связи с этим имеются все основания полагать, что в ПСП во всех этих местах был ДС.

В Мф VIII.1, 5, 23, 28, IX.28, XXI.23, Мрк V.2 во всех кодексах К-редакции находится только ЗПО в дат., в рукописях других редакций — и ЗПО в дат., и РС. Отсюда следует, что славянский ДС во всех этих 7 местах мог быть употреблен только в соответствии с ЗПО в дат. оригинала — рукописи К-редакции.

В остальных 5 местах во всех рукописях К-редакции находится только РС, а в кодексах других редакций — и ЗПО в дат., и РС (в Л IX.37 — также ВЗ причастия). Безоговорочно возвести ДС в ПСП в эти пять мест не-

посредственно к РС оригинала трудно, так как между греч. РЗ приглагольным и аналогичным слав. ДЗ общего прямого соответствия нет. Совершенно очевидно, что Кирилл и Мефодий оказались здесь в более сложной ситуации, чем в разобранных выше в общей сложности (3+7=) 10 местах, где они имели дело только с ЗПО в дат., содержащимся или во всех греч. рукописях, или, по крайней мере, лишь в рукописях К-редакции (следовательно, и в оригинале, которым они руководствовались). Учитывая, что во всех перечисленных выше 12 местах текста ЗПО в дат. и РС употребляются параллельно, они имели достаточно оснований рассматривать эти обороты как синонимичные. А в связи с этим они сочли возможным отклониться в этих 5 местах от греч. оригинала, последовать здесь рукописям других редакций и употребить ДС, так же соответствующий ЗПО в дат. этих греч. рукописей, как и в рассмотренных выше (3+7=) 10 местах греч. оригинала.

В конечном счете получилось, что ДС оказался у первых слав. переводчиков одной слав. конструкцией, которую они могли употреблять и для перевода ЗПО-а в дат., и там, где в оригинале была иная греч. конструкция — РС.

в) В наших источниках выявлено в общей сложности 124 места, где в греч. рукописях находится только РС (в отдельных текстуальных вариантах, которые в большей части случаев связаны с различиями структурных типов ев. текста, местá с РС опущены).⁶ Анализ показаний слав. источников позволил нам заключить, что в 123 местах в ПСП был употреблен ДС и только в одном из них, в Мф V.1, где употребление ДС-го было невозможным или, по крайней мере нежелательным,⁷ греческий РС был переведен придаточным предложением временным.

Совершенно очевидно, что положение наших первоучителей в этих (124) местах было еще более сложным, чем в рассмотренных только что 5 местах, где во всех рукописях К-редакции (в том числе, следовательно, и в вероятном оригинале) был РС, а в части рукописей других редакций находился ЗПО в дат. и где Кирилл и Мефодий сочли возможным употребить ДС: в этих

⁶ Мф I.18, 20, II.1, 13, 19, V.1, VI.3, VIII.16, IX.10, 32, 33, XI.7, XII.46, XIII.6, 21, XIV.15, 23, XVI.2, XVII.5, 22, XVIII.25, XX.8, 29, XXII.41, XXIV.3, XXV.5, 10, XXVI.6 (– 7), 20, 21, 26, 47, XXVII.17, 19, 57, XXVIII.1, 11, 13, Мрк I.32, IV.17, V.18, VI.21, 22, 35, 47, VIII.1, IX.9, X.17, 46, XI.11, 27, XIII.1, 3, XIV.3, 17, 18, 22, 43, 66, XV.33, 42, XVI.2, 20, Л II.2, III.21, IV.2, 40, 42, VI.48, VII.6, 42, VIII.4, 23, 45, 49, IX.42, 57, XI.14, 29, XII.1, XIV.32, XV.14, 20, XVIII.(4C –) 41, XIX.11, 33, 36, 37, XX.1, 45, XXI.5, (25 –) 26, XXII.40, 47, 53, 55, 59, 60, XXIV.41, и IV.51, V.13, VI.17–18, VIII.30, XII.37, XIII.2, XVIII.22, XX.1, 19, XXI.4, 11.

⁷ Ср.: L. Nečásek, *Staroslověnské dativní vazby participiální a jejich předlohy u řeckém textu evangelij*. »Slavia«, XXVI, 1, 1957, 28.

местах не было у них уже никакой опоры на ЗПО-ы в дат. . Нам представляется, что первые слав. переводчики употребили здесь (в 123 местах из 124) уже знакомый им ДС для перевода греческого РС потому, что показания греч. кодексов в рассмотренных выше (7+5=) 12 местах давали им основание считать ЗПО-ы в дат. и РС-ые конструкциями синонимичными. Если в тех 5 местах, где в их оригинале были только РС-ые, а в части рукописей других редакций — ЗПО-ы в дат., они могли употребить ДС-ые по образцу ЗПО-ов в дат., содержащихся в кодексах других редакций, то это давало им право употребить ДС и в тех местах, где не было ни одного примера ЗПО-а в дат., а находились только РС-ые.

В итоге из общей суммы (15+124=) 139 мест, где в греч. оригинале или в других греч. рукописях, которым следовали переводчики, находились ЗПО-ы в дат. или РС-ые, в 138 местах в ПСП был употреблен ДС. Таким образом, славянский ДС последовательно употреблялся для перевода двух различных, хотя в некотором отношении и близких, греч. синтаксических конструкций — ЗПО-а в дат. и РС-го (исключение составляет лишь 1 место, где этот оборот был невозможным или нежелательным).

г) Значительно сложнее реконструировать положение, бывшее в ПСП, и объяснять явления ПСП-а в тех местах, где имеются существенные различия и в греч., и в слав. источниках и где в греческих рукописях представлены такие конструкции, которые нет оснований считать синонимичными. Таких мест в ев. тексте немало. При ограниченных источниках реконструкция ПСП-а в этих местах не всегда осуществлялась убедительно, а объяснения явлений ПСП-а, естественно, не всегда получают бесспорную аргументацию. Все это особенно важно, когда случайные наблюдения над явлениями отдельных мест иногда служат базой для очень важных обобщений.

Одним из таких мест является Л XXIII.45. Оно давно уже является предметом повышенного интереса ученых, а явления этого места, как они объясняются отдельными исследователями, — обоснованием важных теоретических положений.

Ф. И. Буслаев был первым ученым, обратившим внимание на то, что славянский ДС употребляется не только для перевода греческого РС, но встречается и там, где в греческом нет РС-го, а находится «именительный с глаголом»; он иллюстрирует это положение местом Л XXIII.45, где, по его утверждению, славянский ДС *слнцоу .омьръкъшоу* был употреблен для перевода греч. личной формы глагола с им. падежом *ἐκοτίσθη ὁ ἥλιος*.⁸ Это

⁸ См.: Ф. И. Буслаев, *Опыт исторической грамматики русского языка*, М., 1858, 287; аналогично и в последующих изданиях.

положение со ссылкой на Ф. И. Буслаева и на цитируемый им же пример из Л XXIII.45 охотно затем повторяют многие другие ученые. В их числе — И. М. Белорусов, использовавший этот пример (в толковании Ф. И. Буслаева) в качестве одного из убедительнейших обоснований определенной смысловой трактовки ДС-го,⁹ и Я. Станислав, для которого явления того же места (в толковании Ф. И. Буслаева) стали одним из авторитетнейших показателей более широкого употребления славянского ДС по сравнению с греческим РС.¹⁰ Повторение того же положения Ф. И. Буслаева со ссылкой на Л XXIII.45 можно встретить и в отдельных новейших учебниках старослав. языка, исторической грамматики русского языка и др. Первым ученым, который посчитал славянский ДС в этом месте вторичным, был Л. Нечасек;¹¹ он, однако, никак не пояснил и не обосновал этого своего мнения.

Между тем здесь все далеко не так просто, как представляли себе Ф. И. Буслаев и многие последующие авторы. В наших греч. источниках в этом месте обнаружено в общей сложности 63 случая личной формы глагола с им. падежом и 11 РС-ых. Личная форма глагола с им. падежом находится, в частности, во всех кодексах К-редакции, РС — только в части рукописей других редакций; следовательно, в оригинале — одной из рукописей К-редакции — действительно была личная форма глагола с им. падежом (как то и показал Ф. И. Буслаев). Положение в ПСП-е в этом месте реконструировать несколько труднее, чем положение, бывшее в оригинале. Заметим прежде всего, что Ф. И. Буслаев, цитируя слав. пример с ДС-ым, судя по графике, имеет в виду один памятник — Остр, без достаточной мотивировки практически отождествляя таким образом текст этого памятника с текстом ПСП-а. Между тем повод для законных сомнений в обоснованности такой реконструкции дают уже показания старослав. памятников, в которых, кроме 3-х случаев ДС-го, имеется и один с личной формой глагола и им. падежом: и помрꙋѣ слъ-нъцѣ — Мар; совершенно очевидно, что здесь — один из тех многочисленных случаев, когда показаний одних старослав. источников совершенно недостаточно для обоснованной реконструкции ПСП-а. В церковнослав. кодексах в этом месте тоже имеются существенные разночтения, причем в них, в отличие от старослав. памятников, личная форма глагола существенно преобладает над ДС-ым; эти конструкции представлены здесь в — соответственно — 23 и 8 случаях. Ясно, что учет одних лишь количественных данных, представляемых слав. источниками, не может служить падежной основой для

⁹См.: И. Белорусов, указ. соч., 89 и 98.

¹⁰См.: J. Stanislav, *Datív absolutný v starej cirkevnej slovančine*, »Byzantinoslavica«, V, 1933–34, 27.

¹¹См.: L. Nečas, указ. соч., 21.

реконструкции ПСП-а в этом месте. Здесь необходимо проанализировать еще и показания различных структурных типов Евангелия.

Место Л XXIII.45 входит в состав двух чтений краткого апракоса — 8 страстного евангелия и на заутреню великой пятницы; следовательно, в составе именно этих двух чтений оно содержалось в ПСП-е. В греч. апракосах в этих чтениях находится только личная форма глагола с им. падежом (всего 10 случаев). В слав. апракосах в этих чтениях преобладает личная форма глагола с им. падежом (13 случаев), но немало и ДС-ых (9 случаев). С учетом некоторого общего преобладания в слав. источниках личной формы глагола с им. падежом и, особенно, того, что только эта конструкция находится в этих чтениях во всех греч. апракосах, думаем, что больше оснований предполагать в этом месте ПСП-а Евангелия (краткого апракоса) личную форму глагола с им. падежом, а не ДС. С учетом этого ДС, встречающийся в старослав. апракосах (в составе указанных чтений), действительно следует отнести за счет позднейших редакционных правок (как это, видимо, и предполагал Л. Нечасек).

Более поздним и тоже, связанным с позднейшими редакционными правками является также ДС в слав. тетрах и полных апракосах (в чтении на четверг сыропустной недели). Эта позднейшая замена личной формы глагола с им. падежа оборотом ДС-го могла быть произведена по различным мотивам. Здесь можно предположить влияние тех греч. рукописей, в которых в этом месте находится РС. Еще больше оснований видеть здесь отражение влияния греч. полного апракоса: во всех наших греч. рукописях полного апракоса в этом чтении в Л XXIII.45 находится только РС.

Таким образом, показаниями наших источников установлена недостаточная обоснованность мнения о том, что в Л XXIII.45 личная форма глагола с им. падежом была переведена ДС-ым, и связанных с этим мнением отдельных общих положений по проблеме ДС-го. В ПСП-е Евангелия в этом месте была употреблена личная форма глагола с им. падежом в полном соответствии с аналогичной конструкцией оригинала.¹² С учетом этого можем теперь утверждать о соответствии ПСП-а оригиналу — в пределах рассматриваемых здесь вопросов — в общей сложности уже в 139 местах из 140.

д) Нами обнаружены также совершенно бесспорные случаи отклонения ПСП-а Евангелия от оригинала и соответствия ПСП-а рукописям других, кроме К-, редакций. В качестве примеров таких отклонений рассмотрим явления двух мест — Мф XXVI.71 и Мрк IX.28.

¹² Специально о Л XXIII.45, а также и о других местах, где в греч. тексте находится личная форма глагола с им. падежом, см. в: Б. И. Скупский, *Славянский перевод Л XXIII.45*, 115-140 и 253; Он же, *Об одном греческом соответствии ...*, 47-57.

В этих двух местах во всех рукописях К-редакции и частично в рукописях других редакций находится ЗПО в вин.: Мф ХХVI.71: *ἔξεληθόντα δὲ αὐτὸν εἰς τὸν πυλῶνα, εἶδεν αὐτὸν ἄλλη παιδίσκεη*, а в части рукописей И-редакции — РС: *ἔξεληθόντος δὲ αὐτοῦ εἰς τὸν πυλῶνα* и т. д.; Мрк IX.28: ЗПО в вин.: *καὶ εἰσελθόντα αὐτὸν εἰς οἶκον οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ ἐπηρώτων αὐτὸν κατ'ἰδίαν* — рукописи К-редакции и частично др. редакций; РС: *καὶ εἰσελθόντος αὐτοῦ εἰς οἶκον* и т. д. — рукописи др. редакций. Во всех слав. кодексах в обоих местах только ДС: Мф ХХVI.71: *ишьдъшго же емоу вь врата. оузьрѣ и дроуѣгаѣ равьни* — Зогр и др.; Мрк IX.28: *и възшьдъшго моу вь домъ. оученици его възпрашаахъ 1. единого* — Зогр. и др. Отсюда следует, что в обоих этих местах ПСП-а находился ДС, соответствующий РС-му части других, кроме К-, редакций. Возраст некоторых греч. рукописей др. редакций, содержащих в этих местах РС, таков, что они могли быть известны первым переводчикам; в их числе — Иа-δ5, рукопись VI в., в которой РС находится в обоих этих местах.

Объяснить мотивы, по которым первые переводчики игнорировали в этих двух местах образцы оригинала (рукописей К-редакции) и предпочли РС, содержащийся в рукописях другой редакции, на наш взгляд, нетрудно. Дело в том, что в обоих местах ЗПО-ы в вин. находятся при глаголах-сказуемых *εἶδεν* и *ἐπηρώτων*, при которых имеются и свои собственные дополнения *αὐτόν*; в результате в каждом из этих двух мест имеем скопление двух ВЗ-ых — ЗПО-а в вин. и прямого дополнения, — в связи с чем обстоятельственная функция ЗПО-ов в вин. несколько ослаблена. В рукописях же с РС-ми этого нет, обстоятельственная функция РС-ых, не зависящих от глаголов-сказуемых, достаточно выразительна. Если бы переводчики последовали здесь оригиналу, рукописи К-редакции, то в ПСП появились бы такие же невыразительные ЗПО-ы в вин., какие имеются в оригинале. Последовав же образцам с РС-ми, представленными в Иа-δ5, они могли употребить здесь в ПСП-е ДС-ые, обстоятельственная функция которых так же выразительна, как и РС-ых в Иа-δ5.

е) Итак, славянский ДС находится в полном соответствии с греческим ЗПО в дат., чем и объясняется перевод указанной греч. конструкции только ДС-ым в тех местах ев. текста, где она была представлена во всех греч. рукописях. Между славянским ДС и греческим РС такого полного соответствия нет. Но так как ЗПО в дат. и РС в греч. кодексах нередко употребляются параллельно и могут рассматриваться как в известном смысле конструкции синонимичные, то в ПСП-е был употреблен ДС и во всех тех местах, где в греч. кодексах находятся обе указанные греч. конструкции, независимо от того, какая из них была в рукописи, которая служила оригиналом. С учетом

этой близости между ЗПО-ом в дат. и РС-ым славянский ДС был употреблен также и в тех местах (кроме одного), где во всех рукописях находился только РС. Таким образом, ДС был последовательно употреблен в ПС-е (в 138 местах из 139) для перевода двух греческих конструкций — ЗПО-а в дат. и РС-го. Мнение, что ДС употреблялся и для перевода греч. личной формы глагола с им. падежом, показаниями наших источников не подтверждается. В целом, таким образом, из общего числа 142 мест — в пределах рассматриваемых здесь явлений — ПСП находится в полном соответствии с оригиналом в 139 местах. При этом в двух других местах переводчики сознательно отклонились от оригинала и последовали рукописям других редакций, потому, что конструкция оригинала была недостаточно выразительной, а вариант других рукописей позволял им употребить в ПСП более ясный оборот, чем тот, который определялся оригиналом; в одном же месте, Мф V.1, отклонение объясняется тем, что употребление в ПСП конструкции, которая соответствовала бы образцу оригинала, было нежелательным или невозможным.

3. Мнение, согласно которому Кирилл и Мефодий были очень образованными людьми и хорошо знали как грече., так и слав. языки, очень давнее и восходит еще к их житиям. Оно подтверждено и рядом других прямых исторических свидетельств, и, практически, всей историей научной разработки старослав. языка. Именно это качество наших первоучителей явилось благоприятной предпосылкой того, что тексты, написанные ими, представляют собою большую ценность прежде всего как древнейшая фиксация слав. речи (= определенного слав. диалекта). Это мнение полностью подтверждается также результатами наших наблюдений и во всех тех 139 местах, где в ПСП сохранено соответствие оригиналу (ДС в местах, где в греч. кодексах находится ЗПО в дат. или РС; личная форма глагола с им. падежом в ПСП и аналогичная конструкция греч. оригинала), и там, где ПСП отклоняется от оригинала (Мф V.1, Мф XXVI.71, Мрк IX.28). Этим приятным заключением можно было бы закончить доклад; тем более, что оно не только полностью подтверждается показаниями наших источников, но и хорошо импонирует юбилейным торжествам.

Однако показания наших источников представляют возможность коснуться здесь еще одного важного вопроса, находящегося за пределами представлений о ПСП-ах как древнейшей фиксации славянского языка.

Суть его выражается в следующем. Исследователь, интересующийся ПСП-ами как древнейшей фиксацией слав. речи, старается обнаружить в них отражение живых слав. явлений, использовать показания источников для

того, чтобы составить по возможности наиболее полное представление об этих явлениях. Это, в частности, нашло свое отражение и в исследовании вопросов, являющихся предметом наших наблюдений. И. М. Белорусов, напр., сопоставляя в ряде мест славянский ДС с РС-ым греч. текстов, делает ряд выводов и обобщений, характеризующих ДС в целом как явление слав. синтаксиса по сравнению с греческим РС; в их числе: а) положение о более широком употреблении славянского ДС по сравнению с греч. РС, на основании чего, в частности, делается новое важное заключение — об оригинальности славянского ДС (= соответствии его славянской синтаксической системе):¹³ б) ряд его заключений о смысловых значениях, которые могут выражаться ДС-ым;¹⁴ в) его выводы о некоторых структурных особенностях славянского ДС по сравнению с греч. РС.¹⁵ Я. Станислав, располагая материалом только старослав. памятников, идет еще дальше: в частности, в связи с более широким употреблением славянского ДС по сравнению с греч. РС он делает заключение об оригинальности (= исконности) славянского ДС,¹⁶ т. е. считает его живым слав. явлением эпохи Кирилла и Мефодия.

Однако Кирилл и Мефодий были не просто билингвистами, не только носителями и знатоками греч. и слав. языков, но и авторами первых слав. книг, творцами, основоположниками первого литературного языка славян, следовательно, создателями и законодателями его норм. Следует также учитывать, что язык их сочинений — это не просто свободная литературная обработка определенного живого диалекта (такая, напр., образцы которых находим в сочинениях отдельных выдающихся писателей, деятелей культуры и науки). Их сочинения — это переводы богослужебных текстов, язык (синтаксис) которых должен не просто находиться в общем соответствии с греческим, а определяться строгими рамками норм классических образцов, текстами священных оригиналов. Ибо Кирилл и Мефодий, работая над своими переводами, непременно считались с тем, что их труды могут иметь определенное значение и смысл лишь при условии их утверждения высокой церковной инстанцией — если не вселенским пастырем (папой), то хотя бы, по меньшей мере, патриархом (Константинопольским).

Вот почему нам представляется, что характеризовать язык (синтаксис) ПСП-ов лишь в том плане, который бы определялся степенью владения им наших первоучителей как его носителей и носителей — знатоков греч. языка, недостаточно. Следует уделять также внимание характеристике языка ПСП-а и как языка литературного, регламентированного определенными нормами.

¹³См., в частности: И. Белорусов, указ. соч., 72, 98.

¹⁴См. там же, 72, 73, 77-89.

¹⁵См. там же, 79, 80, 86, 87.

¹⁶См.: J. Stanislav, указ. соч., 31-33.

Показания наших источников — в пределах рассмотренных выше вопросов — позволяют следующим образом характеризовать качества ПСП-а как литературного языка.

а) Широко распространенное убеждение, согласно которому славянский ДС-мог свободно употребляться переводчиками по их усмотрению для перевода не только РС-го, но и различных других конструкций, не подтверждается. При таком свободном и широком обращении с ДС-ым, когда его употребление в ПСП-ах не обязательно регулировалось бы наличием определенных образцов в греч. оригиналах, а в ряде случаев определялось бы субъективными факторами, язык ПСП-ов не мог бы в полном смысле слова определяться как литературный, потому что он не характеризовался бы рамками строгих правил и норм. В ПСП Евангелия утвердилось правило употребления ДС-го как совершенно определенного оборота, являющегося принадлежностью литературного языка, и были регламентированы четкие нормы его употребления — для перевода 2-х греч. конструкций: ЗПО-а в дат. и РС-го. Тем самым язык ПСП-а Евангелия может характеризоваться как нормативный и соответствующий (в пределах рассмотренных здесь конструкций) языку оригинала.

б) ПСП Евангелия в пределах рассмотренных здесь конструкций в 139 местах из 142 полностью соответствует греч. оригиналу — определенной рукописи К-редакции; следовательно, общепринятое мнение, согласно которому оригиналами ПСП-ов явились рукописи К-редакции, подтверждается. Отклонение от оригинала и соответствие ПСП-а рукописям других редакций установлено лишь в 2-х местах. Так как в результате этого ПСП здесь оказался лучше того, каким бы он был в этих местах при сохранении соответствия оригиналу, то мы — в известном смысле слова — можем утверждать, что язык ПСП-а Евангелия в отдельных случаях был даже лучше языка оригинала.

Согласно широко распространенному мнению, которое находит все больше и больше сторонников и постоянно подтверждается новыми фактами, язык ПСП-ов характеризуется очень высокими качествами, благодаря которым он сразу же занял достойное место среди классических международных культурных языков как их младший брат.¹⁷ Показаниями наших источников это мнение подтверждается.¹⁸

¹⁷ См.: R. Večerka, *Vliv řeštiny na staroslověňštinu*, »Listy filologické«, 94, 2, 1971, 148, 149.

¹⁸ Некоторые дополнительные данные о языке слав. перевода Евангелия см. в: Б. И. Скупский, *К вопросу о качестве первоначального славянского перевода Евангелия ...*, »Bereiche der Slawistik«, Wien, 1975, 277-285; Он же, *К вопросу о латинском влиянии на славянский перевод Евангелия*, »Slovo«, 27, 1977, 5-26.

Резюме

Язык (синтаксис) первоначального славянского перевода евангелия характеризуется в докладе на основе материала, извлеченного практически из всех дошедших до нас древнейших рукописей греческих и славянских текстов. Это соответствует выдвигающимся в последнее время требованиям, согласно которым непременным условием успешного исследования синтаксиса старославянского языка является привлечение в качестве источников самого широкого круга оригинальных греческих и славянских памятников. Устанавливается, в частности, что славянский дательный самостоятельный регулярно употребляется для перевода двух греческих конструкций — зависимого причастного оборота в дательном и родительного самостоятельного — и что он использовался первыми переводчиками лишь как определенная конструкция первого литературного славянского языка. Подтверждаются общепринятые мнения о высоком уровне языка первоначального славянского языка Евангелия и его соответствии греческому оригиналу — определенной рукописи Константинопольской редакции; первые переводчики в отдельных местах, где язык оригинала их не удовлетворял, следовали лучшим образцам, представленным в рукописях других редакций; в связи с этим высказывается мысль, что качество языка первоначального славянского перевода могло быть — в известной мере — выше качества его вероятного греческого оригинала.

Sažetak

IZ ISTRAŽIVANJA JEZIKA PRVOBITNOG SLAVENSKOG PRIJEVODA EVANĐELJA

Jezik (sintaksa) prvobitnog slavenskog prijevoda Evandjelja karakterizira se u referatu na osnovi materijala izvučenoga praktično iz svih najstarijih rukopisa grčkih i slavenskih tekstova koji su dospjeli do nas. To odgovara zahtjevima, koji u posljednje vrijeme ističu da je neophodan uvjet uspješnoga istraživanja sintakse staroslavenskoga jezika primjena najširega kruga originalnih grčkih i slavenskih spomenika kao izvora. Utvrđuje se konkretno da se slavenski dativ apsolutni redovito upotrebljava za prijevod dviju grčkih konstrukcija – participske konstrukcije dativa i genitiva apsolutnog – i da su ga prvi prevodioci upotrebljavali samo kao određenu konstrukciju prvoga književnog slavenskog jezika. Potvrđuju se općeprihvaćena mišljenja o visokoj razini jezika prvobitnoga slavenskog prijevoda Evandjelja, koji odgovara grčkomu originalu – određenom rukopisu carigradske recenzije; prvi su prevodioci na pojedinim mjestima, gdje ih jezik originala nije zadovoljavao, slijedili bolje uzore, predstavljene u rukopisima drugih recenzija; s tim u vezi izražava se misao, da je kvalitet jezika prvobitnog slavenskog prijevoda mogao biti – u određenoj mjeri – viši od kvaliteta njegova vjerojatnoga grčkoga originala.

Izvorni znanstveni članak

Primljeno: 24. prosinca 1986.

Autor: Борис И. Скупский

*Дагестанский государственный
университет, Махачкала*